

Имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство

*Беляева Ю. Л.**

В статье рассматривается вопрос о необходимости имплементации в российское уголовное законодательство ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 года, закрепляющей норму о незаконном обогащении. Препятствия на пути криминализации статьи связаны с принципами презумпции невиновности, а также правом гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, гарантированными Конституцией РФ. Проведен подробный анализ данных принципов с точки зрения международного права, а также возможность их соблюдения при реализации статьи о незаконном обогащении. Обусловлена и аргументирована правомерность и необходимость включения нормы о незаконном обогащении в российское уголовное законодательство.

Ключевые слова: противодействие коррупции; Конвенция ООН против коррупции 2003 г.; незаконное обогащение; презумпция невиновности; справедливость судебного разбирательства; Европейский Суд по правам человека.

В настоящее время международно-правовая антикоррупционная нормативная база обладает широким перечнем документов как на универсальном, так и на региональном уровнях. Как отмечается в научной литературе, сотрудничество государств в сфере предупреждения

* Беляева Юлия Леонидовна – адъюнкт кафедры прав человека и международного права Московского Университета МВД России имени В.Я.Кикотя. Ms.JLBelyaeva@gmail.com.

и пресечения коррупции является составной частью международных отношений¹, и его значение заключается не только в становлении механизмов противодействия коррупции, но и в формировании единого мирового «антикоррупционного языка», без которого эффективная антикоррупционная политика является невозможной².

Создание механизмов по имплементации международных антикоррупционных стандартов является одной из важнейших целей международного противодействия коррупции как со стороны международного сообщества, так и для каждого государства в части взятых на себя международных антикоррупционных обязательств³.

По данным Transparency International⁴ в рейтинге Индекса Восприятия Коррупции за 2014 год из 175 исследуемых государств, Россия по уровню коррупции занимает 136 место, разделив его с такими странами как Камерун, Иран, Киргизстан, Ливан и Нигерия⁵.

Следует обратить внимание на официальную статистику, озвученную официальным представителем Следственного комитета России Владимиром Маркиным: размер причиненного ущерба по направленным в суд уголовным делам по коррупционным преступлениям в 2014 году составил 14,7 миллиарда рублей, вместе с тем, что размер возмещенного ущерба составил 5 миллиардов рублей⁶.

Эти данные свидетельствуют о серьезности и актуальности проблемы коррупции в Российской Федерации. Соответственно, нам следует особенно внимательно относиться к международному сотрудничеству в данной сфере, соблюдению принятых международных обязательств, а также к рекомендациям универсальных и региональных организаций, в которых мы принимаем участие.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.⁷ (далее – Конвенция ООН 2003 г.) является основополагающим международно-правовым актом, который вводит всеобъемлющий пакет стандартов, мероприятий и правил в области борьбы с коррупцией⁸. Она обязывает государства к принятию мер по противодействию всем формам коррупции, как в государственном, так и в частном секторе. Число участников этого договора постоянно растет и на данный момент составляет 171 государство.

Что касается Российской Федерации, она одна из первых подписала Конвенцию в 2003 году, а позднее ратифицировала Федеральным Законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ⁹. Также Российской Федерацией, в области противодействия коррупции, ратифицированы следующие

международно-правовые акты: Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.¹⁰, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.¹¹, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹², Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г.¹³

Наиболее актуальной и значимой для России является Конвенция ООН против коррупции 2003 г., поскольку универсальные принципы противодействия коррупции, изложенные в ней, в отличие от региональных (стандарты Совета Европы, ОЭСР), в большей степени учитывают специфику нашей правовой системы, дают возможность для разумного выбора мер и позволяют более основательно выстраивать национальные и глобальную стратегии противодействия коррупции. Более широкий подход к имплементации позволяет защитить национальные интересы государства¹⁴.

Как отметил посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ по вопросам международного антикоррупционного сотрудничества В. Е. Тарабрин, российским интересам отвечает всемерное укрепление режима, установленного Конвенцией ООН 2003 г. и добросовестное выполнение участниками всех ее положений¹⁵.

В рамках реализации Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в Российской Федерации была принята Национальная стратегия противодействия коррупции¹⁶ и действует Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы¹⁷, который включает комплекс мер по обеспечению государственной антикоррупционной политики России. Эти меры нашли отражение в Федеральном Законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁸, являющимся базовым нормативно-правовым актом в области противодействия коррупции в России, а также Федеральном Законе от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹⁹, цель которого в проведении оценки правовых документов для определения их соответствия с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

В Конвенции ООН 2003 г. закреплён перечень преступных деяний, отнесенных к коррупции. В их число входят: подкуп национальных, иностранных и международных публичных должностных лиц; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование

имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп должностных лиц и хищение имущества в частном секторе; отмыwanie доходов от преступлений; сокрытие имущества, полученного преступным путем; воспрепятствование осуществлению правосудия.

Особый интерес для России представляет статья 20 Конвенции ООН 2003 г., которая до сих пор не имплементирована в национальное законодательство, что негативно сказывается на уровне коррупции в стране и мешает его снизить, а также вызывает многочисленные споры не только среди юристов.

Под «незаконным обогащением» Конвенция ООН 2003 г. понимает «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать», а также требует признать данное деяние в качестве уголовно наказуемого, когда оно совершается умышленно.

В целях реализации ст. 20 Конвенции в России принят Федеральный Закон от 3 декабря 2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам»²⁰.

Этим же целям посвящен и ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и(или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»²¹.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года²² «незаконное обогащение» называется косвенным признаком коррупции, который является основанием для привлечения к ответственности за правонарушения, связанные с коррупцией.

Положения о криминализации незаконного обогащения отражены в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в «мягкой» форме и оставляют право выбора на имплементацию за государствами, данная статья не носит императивный характер.

Конвенция ООН против коррупции была ратифицирована Россией в полном объеме без каких-либо изъятий, поэтому споры о том, что Россия сделала какие-либо оговорки в отношении незаконного обогащения беспочвенны. Конвенция вообще не предусматривает возможности

оговорок. Заявления, сделанные Россией, соответствуют конвенционному режиму, позволяющему государствам осуществлять свою юрисдикцию на разумных основаниях²³.

В российское уголовное законодательство не была имплементирована норма о незаконном обогащении со ссылкой на нарушение статьи 49 Конституции РФ²⁴, закрепляющей принцип презумпции невиновности, а также статьи 51 о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников²⁵.

Этого мнения придерживается и подавляющее большинство юристов. Однако существует и иная позиция. Дамаскин О. и Волков А. предполагают, что провозглашенная в Конституции РФ презумпция невиновности в отношении государственных служащих имеет определенные ограничения²⁶.

Конституционный Суд РФ в Определении от 20 марта 2007 года № 169-О-О указал, что «конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию не исключает возможности закрепления в законе определенных требований к лицам, осуществляющим деятельность в органах государственной власти и местного самоуправления, в том числе и на судебных должностях. Гражданин РФ, пожелавший реализовать указанное конституционное право, добровольно принимает условия, ограничения и преимущества, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус. Из этого следует, что запреты и ограничения, обусловленные специфическим статусом, не могут рассматриваться как неправомерное ограничений конституционных прав этого лица»²⁷.

Также Конституционным Судом РФ обозначена похожая позиция, согласно которой принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закреплённый в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям²⁸. Соответственно есть достаточная правовая основа для криминализации «незаконного обогащения».

Мы также являемся сторонниками имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство в полном объеме.

Проблема «незаконного обогащения» является особенно актуальной и отчетность в виде деклараций, подаваемых государственными служащими, не решает ее.

Криминализация незаконного обогащения способствует полноценной реализации целей названной Конвенции, налаживанию в России правового механизма противодействия коррупции в соответствии с нормами международного права, а также исходя из опыта некоторых зарубежных стран – наличие жесткого наказания в виде уголовной ответственности за данное преступное деяние значительно снизит уровень коррупции в России.

Как пишет О. Н. Ведерникова «отказ от использования важных полномочий в данной сфере, представленных международным правом, означает добровольное самоограничение, которое противоречит интересам борьбы с коррупцией в нашей стране»²⁹.

Также возникает вопрос о возможности проведения качественной антикоррупционной экспертизы, если закон не располагает таким определением, как незаконное обогащение, а коррупция прежде всего связана с ним³⁰.

Рассмотрим правомерность включения нормы «о незаконном обогащении» в уголовное законодательство РФ с точки зрения международного права.

Презумпция невиновности является фундаментальным правом среди прав человека, закрепленным международными и региональными инструментами в области защиты прав человека и основных свобод. Статья 11(1) Всеобщей декларации прав человека 1948 г.³¹ регламентирует положение о том, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Тот же принцип лежит в основе статей 14 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.³², 6(2) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³³

Комитет ООН по правам человека заявил, что «в силу презумпции невиновности бремя доказывания вины лежит на обвинении, а все сомнения должны быть истолкованы в пользу обвиняемого»³⁴. Соответственно сторона обвинения несет бремя доказывания вины на протяжении всего судебного разбирательства.

Но следует учесть, что принцип презумпции невиновности в особых случаях, нарушающих права и свободы других граждан, не исключает право законодателя на создание специальной презумпции в своей

правовой системе, которая будет включать требование о том, чтобы обвиняемый давал объяснения, доказывая свою невиновность по некоторым аспектам правонарушения, при условии, что соблюдены принципы разумности и справедливости.

Такой прецедент, отражающий данное положение, был создан Европейским судом по правам человека (далее – Европейский Суд) в деле Салабиаку против Франции³⁵.

Г-н Амоси Салабиаку обвинялся в попытке пронести в аэропорту Руасси сумку, содержащую 10 килограмм конопли. Хотя сумка не была обозначена как его личная и стояла без хозяина, заявитель взял ее и понес через проход аэропорта «Без таможенной декларации», где и был задержан.

Согласно ст. 392.1 Таможенного кодекса Франции, «лицо обладающее контрабандными товарами, рассматривается как ответственное за правонарушение», также лицо может быть оправдано, если сумеет доказать обстоятельства форс-мажор.

Кассационный суд Франции счел, что заявитель не сумел доказать обстоятельства форс-мажор, которые освободили бы его от вины.

Европейский Суд по правам человека постановил, что поскольку суды установили в обстоятельствах данного дела элемент прямого умысла, и учитывая степень общественной опасности преступления, французские суды применили ст. 392.1 Таможенного кодекса путем, который согласуется с принципом презумпции невиновности, нарушения ст. 6–2 Европейской конвенции по правам человека не было.

Как мы видим, презумпция невиновности при наличии высокой степени общественной опасности деяния и прямого умысла, не является абсолютной, хотя и должна отвечать требованиям разумности и справедливости.

Что касается статьи 51 Конституции РФ о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников в соотношении с криминализацией незаконного обогащения³⁶.

Это право прямо не закреплено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., но, по мнению Европейского суда по правам человека, относится к числу общепризнанных международных стандартов, составляющих основу понятия справедливого судебного разбирательства, закрепленного статьей 6 указанной Конвенции³⁷. Право не свидетельствовать против самого себя предполагает, что сторона обвинения не должна прибегать к использованию доказательств,

полученных против воли обвиняемого при помощи принуждения или давления³⁸.

Но, исходя из практики Европейского суда по правам человека, можно заключить, что это право не является абсолютным. Имеет место прецедент в деле О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства (2007)³⁹.

Согласно ст. 172 Закона Великобритании о дорожном движении 1988 г. на зарегистрированного владельца транспортного средства может быть возложена обязанность предоставить сведения о личности водителя, если совершены определенные нарушения правил движения. Непредставление информации считается правонарушением, за исключением случаев, когда владелец может доказать, что ему неизвестна личность водителя.

Транспортные средства заявителей были зафиксированы камерами слежения в связи с превышением скорости. Им было предложено раскрыть личность водителя под страхом ответственности. Первый заявитель признал, что в тот момент транспортным средством управлял он сам, и был привлечен к ответственности за превышение скорости, хотя пытался исключить свое признание из числа доказательств. Второй заявитель использовал право не свидетельствовать против себя. Он также был привлечен к ответственности согласно ст. 172 и оштрафован, а в водительском удостоверении была сделана отметка о нарушении.

Европейский Суд был не согласен с доводом заявителей о том, что право хранить молчание и не свидетельствовать против себя является абсолютным. Верно, что во всех имеющихся прецедентах, в которых было применено «прямое воздействие», вынудившее фактического или потенциального обвиняемого предоставить информацию, которая привела к его осуждению, имеется наличие нарушения права не свидетельствовать против самого себя. Однако это не означает, что любое прямое воздействие автоматически признается нарушением.

Право на справедливое судебное разбирательство в рамках статьи 6 Конвенции 1950 г. является абсолютным, что предполагает, что решение по делу не может приниматься на основании только одной неизменной нормы права, должны приниматься во внимание все обстоятельства дела.

Чтобы установить, было ли нарушено право заявителя не свидетельствовать против самого себя, Европейский суд по правам человека рассматривает следующие факторы: характер и степень принуждения,

использованного для получения доказательств; значение общественно-го интереса в расследовании и наказании, назначенное за рассматриваемое нарушение; наличие в примененной процедуре соответствующих гарантий; и использование полученных таким образом материалов.

В § 31.3 Постановления Европейский Суд постановил, что «любой автовладелец знает, что купив автомобиль, он становится субъектом регулирующих правил ... считается, что владение и использование автомобиля (равно как и охотничьего ружья, к примеру) влечет риск причинения серьезного ущерба», также в конце § 57 Постановления Суд установил, что «можно считать, что те, кто приобретает транспортное средство и управляет им, автоматически принимают определенную ответственность и обязательства в рамках правил, касающихся транспортных средств». На этих основаниях суд постановил, что в данном деле нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не возникло.

Проанализировав позиции Европейского Суда по поводу презумпции невиновности и права не свидетельствовать против себя, можно сделать вывод, что они не являются абсолютными и должны применяться в соответствии с принципами законности, справедливости и соразмерности ограничения прав и основных свобод.

Применяя их к статье о «незаконном обогащении» следует заключить, что криминализация данного деяния является вполне легитимной. Публичные должностные лица обладают особым правовым статусом, наделяющим их распорядительно-властными полномочиями, тем самым повышается уровень общественной опасности преступных деяний, совершенных данной категорией граждан.

Так, в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц (принятом 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) закреплено, что «государственная должность, как она определяется в национальном законодательстве, – это должность, облеченная доверием, предполагающая **обязанность** (подчеркнуто нами – Ю.Б.) действовать в интересах государства», соответственно, вступая в должность, такое лицо принимает на себя не только расширенный круг прав, но и ответственность представлять общественные интересы, что автоматически возлагает на него определенные правовые ограничения и обязательства⁴⁰.

Учитывая эти обстоятельства и исходя из принципов разумности, справедливости и соразмерности, при наличии установленного

элемента прямого умысла в обстоятельствах дела, некоторыми учеными предложено ввести в законодательный оборот понятие «презумпции виновности за незаконное обогащение», под которой стоит понимать «обязанность обвиняемого в коррупционном преступлении должностного лица доказать на следствии и в суде легальность и легитимность полученных (имеющихся) доходов и имущества»⁴¹.

Такая презумпция виновности отчасти, либо в полном ее виде существует в Нидерландах, Бельгии, Ирландии, Дании, США, во многих странах Латинской Америки⁴².

На основании изложенного материала, можно сделать вывод о том, что, с точки зрения международного права, препятствия для имплементации и криминализации нормы ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. о «незаконном обогащении» в российское законодательство со ссылкой на нарушение ст. 49 Конституции РФ, закрепляющей принцип презумпции невиновности, а также ст. 51 Конституции РФ о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, являются необоснованными.

The Implementation of Article 20 of the United Nations Convention against Corruption 2003 into Russian Criminal Law (Summary)

*Yuliya L. Belyaeva**

The article concentrates on the necessity of the implementation of article 20 of the United Nations Convention against corruption 2003 describing the regulation of illicit enrichment into Russian criminal law. The problems on the way of the criminalization of the article are connected with the principle of presumption of innocence and the right not to testify against oneself, the spouse and close relatives, which are guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. A detailed analysis of these principles was made from the viewpoint of International Law, and the possibility of their execution within the realization of the article criminalizing illicit enrichment. There was determined and argued the legality and necessity of implementing the norm regulating illicit enrichment into Russian Criminal Law.

Keywords: combating corruption; United Nations Convention against Corruption (UNCAC); illicit enrichment; presumption of innocence; the fairness of a trial; European Court of Human Rights.

¹ См.: Пекарев В. Я. Правовые аспекты борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях. М., 2001. С.123.

² См.: Богуш Глеб Ильич. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2004.

³ См.: Каширкина А. А. Тиунов О. И. Международное право в орбите противодействия коррупции // Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М., 2012. С. 73.

⁴ Трансперенси Интернешнл – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру.

⁵ Индекс Восприятия Коррупции – 2014: оценка России упала на один балл. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball> (дата обращения 10.12.2014).

* Yuliya L. Belyaeva – post-graduate student of the Chair of Human rights and International Law of the Kikot Moscow University of the Ministry on Internal Affairs of Russian Federation. Ms.JLBelyaeva@gmail.com.

⁶ СКР оценил годовой ущерб от коррупционных преступлений почти в 15 млрд рублей. // Международная информационная группа «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/russia/411869> (дата обращения 10.12.2014).

⁷ Конвенция ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров», 2006, № 10, октябрь, С. 7–54.

⁸ Скобликов П. А. Актуальные проблемы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М., 2007. С. 31.

⁹ Федеральный закон от 08.03.2006 № 40 – ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (принят ГД ФС РФ 17.02.2006) // «Собрание законодательства РФ», 20.03.2006, № 12, ст. 1231.

¹⁰ Федеральный закон от 28.05.2001 № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (принят ГД ФС РФ 25.04.2001) // «Собрание законодательства РФ», 04.06.2001, № 23, ст. 2280.

¹¹ Федеральный закон от 25.07.2006 № 125 – ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» (принят ГД ФС РФ 08.07.2006) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31(1 ч.), ст. 3424.

¹² Федеральный закон от 26.04.2004 № 26 – ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» (принят ГД ФС РФ 24.03.2004) // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2004, № 18, ст. 1684.

¹³ Федеральный закон от 1.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // «Собрание законодательства РФ», 06.02.2012, № 6, ст. 622.

¹⁴ См.: Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: Монография / Отв. ред. О. И. Тиунов. – М., 2012. С. 35–51.

¹⁵ Цирин А. М., Черепанова Е. В., Тулинова О. А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143–171.

¹⁶ Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // «Собрание законодательства РФ», 19.04.2010, № 16, ст. 1875.

¹⁷ Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» (11 апреля 2014 г.) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, № 15, ст. 1729.

¹⁸ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 – ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции» (25 декабря 2008 г.) // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 622.

¹⁹ Федеральный закон от 17.07.2009 № 172 – ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2009, № 29, ст. 3609.

²⁰ Федеральный закон от 03.12.2012 № 230 – ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // «Собрание законодательства РФ», 10.12.2012, № 50 (часть 4), ст. 6953.

- ²¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.2013, № 19, ст. 2306.
- ²² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // «Собрание законодательства РФ», 24.11.2008, № 47, ст. 5489. Начало формы Конец формы
- ²³ См.: Богуш Г. И. О реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве. Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство // Академия Генеральной прокуратуры РФ: Сборник материалов. Ч.1. – М., 2011. С. 56.
- ²⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
- ²⁵ Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113–119.
- ²⁶ См.: Дамаскин О. В., Волков А. Н. Актуальные вопросы законодательного обеспечения ответственности государственных служащих за незаконное обогащение // Современное право. 2012. № 4. С. 37–38.
- ²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. № 169-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Нечаева Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3 и 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статей 19 и 21 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Текст Определения опубликован в дайджесте официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии», 2007, № 13.
- ²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // «Собрание законодательства РФ», 24.06.1996, № 26, ст. 3185.
- ²⁹ Ведерникова О. Н. О работе экспертного совета для подготовки предложений по реализации в законодательстве РФ положений международных конвенций о борьбе с коррупцией и зарубежный опыт конфискации имущества // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / Под ред. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 193.
- ³⁰ Правовые акты: Антикоррупционный анализ/ отв. ред. В. Н. Найдено, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. – М., 2010. С. 45.
- ³¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995.
- ³² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

³³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // «Бюллетень международных договоров», № 3, 2001.

³⁴ Подборка решений комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом. Том 7, шестьдесят шестая – семьдесят четвертая сессии (июль 1999 года – март 2002 года) / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Нью-Йорк; Женева: Организация Объединенных Наций, 2006.

³⁵ Дело «Салабиаку против Франции (Salabiaku v. France)»: Постановление Европейского Суда по правам человека от 07 октября 1988 года (жалоба № 10519/83) // Бюллетень конституционного правосудия. Специальный выпуск. Основные решения Европейского суда по правам человека – Страсбург, 23 марта 2000.

³⁶ Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113–119.

³⁷ Дело «Быков против Российской Федерации», Постановление Европейского суда по правам человека от 10 марта 2009 г. № 4378/02 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 6.

³⁸ См.: Дело «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства», 1996, жалоба № 19187/91 § 68; «Хини и Макгиннес (Heaney and McGuinness) против Ирландии», 2001, жалоба № 34720/97 § 40; «J.V. против Швейцарии», 2001, жалоба № 31827/96 § 64; «Аллан (Allan) против Соединенного Королевства, 2002, жалоба № 48539/99 § 44. URL: <http://europeancourt.ru> (дата обращения 10.12.2014).

³⁹ Дело «О'Халлоран (O'Halloran) и Фрэнсис (Francis) против Соединенного Королевства» [рус., англ]. Постановление ЕСПЧ от 29 июня 2007 года № 15809/02 // Перевод на русский язык Берестнева Ю. Ю. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19381346/17525876/> (дата обращения 10.12.2014).

⁴⁰ Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения 10.12.2014).

⁴¹ См.: Лут С. С. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России // Российский следователь. 2010. № 22. С. 11; Козлов Т. А. О развитии декларирования доходов публичными служащими // Вопросы правообразования. 2012. № 2. С. 214.

⁴² См.: Сафонов А. О мировой практике применения ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией // Следователь. 2012. № 1. С. 46–55.